

В.А. Зверев
Е.С. Лановая*

САНИТАРНАЯ КУЛЬТУРА СЕЛЬСКОГО НАСЕЛЕНИЯ
В ЗАПАДНОЙ СИБИРИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX –
НАЧАЛА XX ВЕКА: СОВРЕМЕННАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ
ИСТОРИОГРАФИЯ ТЕМЫ

doi:10.31518/2618-9100-2024-3-12
УДК 94(570)"19/20"+930

Выходные данные для цитирования:
Зверев В.А., Лановая Е.С. Санитарная культура сельского населения
в Западной Сибири второй половины XIX – начала XX века: современная
отечественная историография темы // Исторический курьер. 2024. № 3 (35).
С. 155–170. URL: <http://istkurier.ru/data/2024/ISTKURIER-2024-3-12.pdf>

V.A. Zverev
E.S. Lanovaya*

SANITARY CULTURE OF THE RURAL POPULATION
OF WESTERN SIBERIA IN THE SECOND HALF
OF THE 19TH – EARLY 20TH CENTURIES:
MODERN RUSSIAN HISTORIOGRAPHY OF THE TOPIC

doi:10.31518/2618-9100-2024-3-12

How to cite:
Zverev V.A., Lanovaya E.S. Sanitary Culture of the Rural Population of Western
Siberia in the Second Half of the 19th – Early 20th Centuries: Modern Russian
Historiography of the Topic // Historical Courier, 2024, No. 3 (35), pp. 155–170.
[Available online: <http://istkurier.ru/data/2024/ISTKURIER-2024-3-12.pdf>]

Abstract. The article establishes the general conclusion that the sanitary (sanitary-hygienic, sanitary-domestic) culture of the rural population of Western Siberia in the second half of the 19th and early 20th centuries is currently being studied across several thematic and problem-driven areas, advanced by scholars of various specializations. Scholars of sociocultural history examine the organizational activities of the tsarist administration, the Orthodox Church, and the rural intellectuals aimed at improving the quality of medical and sanitary-hygienic services available to the population. Ethnographers are primarily engaged in studying the traditional material and spiritual culture of the peasantry, focusing on the sanitary-hygienic qualities of settlement complexes – rural settlements, homesteads, and dwellings. Experts in the history of folk medicine and sanitation, public healthcare, and sanitary education also contribute to this research. The interdisciplinary works of several scholars effectively combine these approaches. The most developed topic currently is the cleanliness and sanitary conditions in the dwellings of long-established peasants and recent settlers. These two demographic groups are presented in historiography as polar opposites in terms of their sanitary-hygienic culture development. Debates have emerged regarding the extent of actual achievements in improving the quality of medical and sanitary-hygienic services for the rural population of Western Siberia during the period studied; the connection between the socioeconomic and sanitary-hygienic status of family households in villages; and potential negative aspects of bathing practices on the health of rural residents. In conclusion, the authors of the article propose the necessity of several thematic and methodological innovations in future research on the historical development of the sanitary culture of the rural population of Western Siberia during the period marked by the modernization of traditional society in both the country and region.

Keywords: historiography of Siberia, sanitary and hygienic culture, hygiene, sanitation, rural settlement complex, Siberian peasantry.

* **Владимир Александрович Зверев**, доктор исторических наук, профессор, Новосибирский государственный педагогический университет, Новосибирск, Россия, e-mail: sosna232@yandex.ru

Vladimir Alexandrovich Zverev, Doctor of Historical Sciences, Professor, Novosibirsk State Pedagogical University, Novosibirsk, Russia, e-mail: sosna232@yandex.ru

Екатерина Сергеевна Лановая, аспирант, Новосибирский государственный педагогический университет, Новосибирск, Россия, e-mail: lanovaya.kat2798@yandex.ru

Ekaterina Sergeevna Lanovaya, Postgraduate Student, Novosibirsk State Pedagogical University, Novosibirsk, Russia, e-mail: lanovaya.kat2798@yandex.ru

The article has been received by the editor on 13.05.2024. Full text of the article in Russian and references in English are available below.

Аннотация. В статье обосновывается генеральный вывод о том, что санитарная (санитарно-гигиеническая, санитарно-бытовая) культура сельского населения Западной Сибири второй половины XIX – начала XX в. сегодня изучается по нескольким проблемно-тематическим направлениям, их продвигают ученые различной специализации. Представители социокультурной истории рассматривают организационную деятельность царской администрации, православной церкви, сельской интеллигенции по повышению уровня медицинского и санитарно-гигиенического обслуживания населения. Этнографы преимущественно заняты изучением традиционной материальной и духовной культуры крестьянства, в первую очередь санитарно-гигиенических качеств поселенческого комплекса – сельских населенных пунктов, усадеб и жилищ. В работе участвуют также специалисты по истории народной медицины и санитарии, здравоохранения и санитарного просвещения. В междисциплинарных по характеру трудах ряда ученых плодотворно сочетаются названные вариации. Наиболее разработана сейчас тема чистоты и санитарного порядка в жилищах крестьян-старожилов и недавних переселенцев. Эти две категории населения представлены в историографии как полярные по уровню развития их санитарно-гигиенической культуры. Наметились дискуссионные вопросы: о масштабах тех успехов, которые реально были достигнуты в изучаемый период при повышении качества медицинского и санитарно-гигиенического обслуживания сельского населения региона; о связи социально-экономического и санитарно-гигиенического статуса семейного домохозяйства в деревне; о наличии негативных аспектов в деле влияния банных процедур на укрепление здоровья сельчан. В заключение авторы статьи высказывают предложения о необходимости ряда тематических и методологических новаций в будущих научных исследованиях темы исторического развития санитарной культуры сельского населения Западной Сибири в период наметившейся модернизации традиционного общества в стране и регионе.

Ключевые слова: историография Сибири, санитарно-гигиеническая культура, гигиена, санитария, сельский поселенческий комплекс, сибирское крестьянство.

Статья поступила в редакцию 13.05.2024 г.

Предмет и цель исследования. Современные ученые-демографы определяют *санитарную культуру* населения как «совокупность специфических форм человеческой деятельности, способствующих сохранению здоровья, предупреждению распространения болезней, поддержанию жизнеспособности популяции...»¹, или близко к этому – как комплекс «знаний и достижений в области гигиены... и выполнение соответствующих гигиенических и профилактических правил населением»². Такое понимание санитарной культуры дает основание для ее номинации как *санитарно-гигиенической культуры*. Связанным, но более широким понятием можно считать *культуру жизнеобеспечения*. Культурологи определяют ее как систему знаний и практик, непосредственно направленных на поддержание и развитие биосоциальных оснований человеческого существования. К таким практикам относят сохранение природной среды обитания человека (экологическая культура), физическое возобновление поколений (репродуктивная культура), сохранение психических и физических характе-

¹ Демографическая энциклопедия. М., 2013. С. 729.

² Мелешко В.П. Санитарная культура // Демографический энциклопедический словарь. М., 1985. С. 385.

ристик людей (культура здоровья), восстановление этих характеристик в случае нанесения им ущерба (культура рекреации и реабилитации) и пр.³

Санитарная культура программирует значительную часть повседневной жизни людей, что позволяет называть ее также *санитарно-бытовой культурой*. Оптимальный ее уровень достигается средствами санитарного просвещения, способствует сокращению смертности, повышению трудоспособности и долголетия людей. Изучение санитарной культуры подразумевает рассмотрение практик санитарного просвещения населения, личной гигиены, профилактики заболеваний, состояния жилищ и поселений, устройства водоснабжения и отопления, условий хранения продуктов питания и их обработки, состояния одежды, спальных мест и многого другого. Отдельные сюжеты из этой многопрофильной проблематики представлены в научных работах по социальной и культурной антропологии, этнографии, медицине и гигиене. Сравнительно недавно они стали проникать также в исследовательские поля социальной, культуральной, демографической истории.

Библиографический и историографический мониторинг, предпринятый нами, не выявил комплексных исследований, посвященных развитию санитарной культуры сельского населения на восточных окраинах Российской империи во второй половине XIX – начале XX в. Неслучайно в обобщающих трудах последнего времени, посвященных истории Сибири, – «Исторической энциклопедии Сибири» (Новосибирск, 2009, т. 1–3), «Истории Сибири» (Новосибирск, 2023, т. 3) – читатель не найдет разделов, посвященных санитарно-гигиенической проблематике. Однако в гуманитаристике сложилось несколько участков исследовательской активности, расширение, дополнение и интеграция которых способны обеспечить продвижение в обозначенном направлении. Применительно к Западной Сибири «точки роста» обнаруживаются в зоне междисциплинарных контактов социокультурной истории крестьянства, этнографии, истории медицины и исторической демографии.

Наметившиеся подходы и первые достижения в изучении санитарно-бытовой культуры русских сибиряков 20 лет назад кратко анализировала Т.К. Щеглова – применительно к населению Алтая и периоду 1920–1930-х гг.⁴ Она отметила интерес, проявленный к теме со стороны историка В.А. Зверева, этнографов В.А. Липинской и О.Н. Шелегиной. Названные ученые опирались на источники различного вида и происхождения, поэтому сделанные выводы породили существенные разногласия. «В целом исследователи поставили ряд проблем, обозначили круг вопросов, но используемые ими источники не позволили наполнить их конкретным содержанием», – этот вывод Т.К. Щегловой с оговорками можно отнести и к степени изученности темы применительно ко всей Западной Сибири более раннего периода второй половины XIX – начала XX в.

Цель данной статьи заключается в том, чтобы охарактеризовать те вариации изучения санитарной культуры русского населения сельской местности Западной Сибири периода конца империи, которые дали наиболее продуктивные, хотя и небесспорные результаты к сегодняшнему дню.

Историки о развитии официальной и народной медицины, санитарно-просветительной работе в деревне. Представляется очевидной тесная связь между уровнем и характером развития санитарно-гигиенической культуры населения и состоянием медицинского обслуживания последнего. Данная проблематика применительно к Западной Сибири позднимперского периода довольно оживленно обсуждается в современной историографии. В трудах социальных историков В.А. Зверева, Д.В. Колупаева, Е.А. Панишева, Е.В. Почеревина, А.И. Татарниковой и их коллег прослеживается процесс поэтапного становления во второй половине XIX – начале XX в. системы медицинского обслуживания сельского населения в регионе⁵. Эта система в итоге состояла из трех автономных частей: сельской,

³ Быховская И.М. Культура жизнеобеспечения // Культурология, XX век. СПб., 1998. Т. 1. С. 347.

⁴ Щеглова Т.К. Санитарно-бытовая культура и традиции личной гигиены сельского населения Алтайского края в 1920–1930-е гг. // Этнография Алтая и сопредельных территорий. Барнаул, 2003. Вып. 5. С. 155–163.

⁵ Зверев В.А. Люди детные. Воспроизводство населения сибирской деревни в конце имперского периода. Новосибирск, 2014. С. 86–89; Колупаев Д.В. Здравоохранение в поселениях сибирского казачества во второй половине XIX в. // Известия Алтайского государственного университета. 2008. № 4-5 (60). С. 252–254;

переселенческой и казачьей. Программа деятельности медицинских учреждений на всех этапах их развития предусматривала необходимость профилактической санитарно-гигиенической работы: наблюдения за санитарным состоянием железнодорожного и водного транспорта, перевозившего иммигрантов из Европейской России, а также старожилов селений и переселенческих поселков в регионе, оспенную вакцинацию, разъяснительную работу в периоды обострения эпидемической обстановки. Санитарный надзор был возложен также на уездную полицию (становых приставов), на крестьянское и казачье самоуправление.

Историки едины в признании факта несомненного прогресса сельской и особенно казачьей медицинской службы в Западной Сибири в конце досоветского периода, особенно в начале XX в. Наиболее оптимистично выглядят выкладки С.В. Архипова и В.В. Бурукина: медико-санитарная помощь населению колонизируемых территорий Азиатской России была возведена в ранг важнейшей государственной задачи, совершенствовалась законодательная база и возрастало государственное финансирование этого дела, все эффективнее работали чиновники Переселенческого управления и Комитета Сибирской железной дороги и т.д. В итоге доступность фельдшерской помощи в Сибири приблизилась к показателям Европейской России, сократился уровень смертности коренного населения и переселенцев⁶. Однако большинство ученых сходятся в более критической оценке количественных и качественных результатов наблюдавшегося прогресса. «Несмотря на увеличение числа врачебно-фельдшерского и акушерского персонала, уровень медицинского обслуживания сельского населения региона оставался низким», – пишет, например, А.И. Татарникова⁷. Сил медработников, полиции и администрации хватало в основном на составление протоколов о наиболее грубых нарушениях жителями санитарных правил, на издание малоэффективных предписаний об очистке селений от навоза и устройстве холерных барачков, карантинных застав накануне ожидаемых эпидемий. Время от времени в волостные правления рассылались печатные наставления по санитарно-гигиенической части. В.А. Зверев считает, что крупной и относительно результативной противоэпидемической мерой, осуществлявшейся в сельской местности, можно считать оспопрививание, охватывавшее и часть новорожденных детей. Но это мероприятие слабо затронуло дальние районы и старообрядцев. Прививок от других заразных болезней в деревнях почти не знали⁸, поэтому повседневно здесь оставались страдания от малярии, сифилиса и трахомы. Обширные местности охватывали эпидемии натуральной оспы, дизентерии, тифа, дифтерита, скарлатины, кори, гриппа, коклюша; периодически сюда возвращались сибирская язва, чума и холера.

В исторической демографии предприняты первые попытки раскрыть те изменения, которые происходили в масштабах эпидемической заболеваемости и смертности сельского населения Западной Сибири в позднеимперский период. С.Е. Глушков установил, что в конце XIX в. в регионе, особенно в Тобольской губернии, проявилась слабая тенденция к понижению смертности от острозаразных болезней. Начинало сказываться улучшение врачебного и санитарного дела в совокупности с социально-экономической политикой государства, активностью общественных организаций, повышением общей и санитарной грамотности населения, его благосостояния. Однако в 1910-х гг. статистика зафиксировала

Панишев Е.А. Медицинское обслуживание и охрана здоровья населения Тобольской губернии во второй половине XIX – начале XX в. // Молодой ученый. 2009. № 9 (9). С. 134–138; Почеревин Е.В. Развитие сельской медицинской сети в Томской губернии на рубеже XIX–XX вв. // Вестник Кемеровского университета. 2021. Т. 23, № 1. С. 71–79; Татарникова А.И. Сельское здравоохранение и сеть медицинских учреждений в Западной Сибири под воздействием модернизационных процессов (конец XIX – первая треть XX в.) // Теория и практика общественного развития. 2015. № 22. С. 137–140; и др.

⁶ Архипов С.В., Бурукин В.В. Правовое регулирование организации медико-санитарной помощи в колонизируемых областях Азиатской России в конце XIX – начале XX в. // Балтийский гуманитарный журнал. 2019. Т. 8, № 2 (27). С. 125–128.

⁷ Татарникова А.И. Сельское здравоохранение... С. 138.

⁸ Зверев В.А. Медико-санитарные условия жизни сельского населения Сибири (1861–1917 гг.) // Культурный потенциал Сибири в досоветский период. Новосибирск, 1992. С. 42–44; Зверев В.А. Люди детные... С. 88–89.

существенный всплеск масштабов эпидемической заболеваемости и смертности⁹. Этот факт был наверняка связан с улучшением медицинской регистрации больных. Но очевидно также, что сказывались последствия массового переселенческого движения в Западную Сибирь: в среде мигрантов была очень высока смертность, особенно младенческая и детская.

Исследования санитарной культуры населения закономерным образом охватывают проблематику традиционной народной медицины, которую сейчас по недоразумению часто называют «нетрадиционной». В науке издавна народная гигиена и санитария рассматриваются как важные области народной медицины, причем, по мысли видного советского историка медицины Б.Д. Петрова, «взгляды народа на охрану здоровья значительно рациональнее, глубже, правильнее, чем взгляды, касающиеся лечения болезни»¹⁰.

Современные этнографы И.В. Волохина и В.Я. Темплинг, рассматривая особенности народной медицины русского населения Западной Сибири, согласны с историками в том, что сельчане в интересующий нас период имели мало возможностей получать своевременную и квалифицированную медицинскую помощь. Учитывая это обстоятельство, а также суровые климатические условия и тяжелый физический труд, им приходилось самостоятельно справляться с большим количеством болезней. В.Я. Темплинг описал народные методы профилактики заболеваний, связанные в том числе с санитарными условиями жилища, а также различные способы лечения болезней, в частности с помощью бани, которая, по словам автора, являлась «основой народной физиотерапии»¹¹. И.В. Волохина связывает методы профилактики в народной медицине русских с календарной обрядностью и такими элементами культуры жизнеобеспечения, как жилище, одежда и пища¹².

Санитарно-гигиенические условия жизни населения Горного Алтая затронуты в монографии историка О.А. Гончаровой. Автор отмечает, что русские переселенцы принесли в Горный Алтай новые инфекционные болезни, но вместе с тем – нормы и навыки русской народной медицины и гигиены, которые стали ценным приобретением в иноэтничной среде¹³.

Еще одной оптикой изучения санитарно-гигиенических условий жизни сибирского крестьянства является просветительная деятельность институтов публичной власти, церкви и сельской интеллигенции в его среде.

В частности, историк Ю.В. Дружинина обратила внимание на то, что сельская интеллигенция Западной Сибири в изучаемый период «осознавала себя особой социальной общностью, одной из приоритетных задач которой является не только распространение грамотности, но и медицинское, санитарно-гигиеническое, сельскохозяйственное просветительство»¹⁴. В трудах В.А. Зверева и Е.В. Караваевой впервые поставлена и получила развитие на материалах Томской епархии второй половины XIX – начала XX в. тема санитарно-просветительной работы Русской православной церкви¹⁵. Авторы отмечают, что ценными источни-

⁹ Глушков С.Е. Заболеваемость населения Томской губернии инфекционными болезнями в последней трети XIX – начале XX в.: историко-демографический анализ // Известия Алтайского государственного университета. 2012. № 4 (76). С. 63–67; Глушков С.Е. Эпидемическая смертность населения Западной Сибири в конце имперского периода (конец 1880-х – 1916 г.) // Актуальные проблемы исторических исследований: взгляд молодых ученых. Новосибирск, 2016. С. 105–114; и др.

¹⁰ Петров Б.Д. Народная гигиена // Гигиена и санитария. 1960. № 4. С. 52. См. также: Бромлей Ю.В., Воронов Л.В. Народная медицина как предмет этнографических исследований // Советская этнография. 1976. № 5. С. 12.

¹¹ Темплинг В.Я. Народная медицина русского населения Западной Сибири XIX в. (социокультурный аспект). Тюмень, 2017. С. 103.

¹² Волохина И.В. Народная медицина русских Омского Прииртышья (конец XIX – XX в.). Новосибирск, 2005. С. 42.

¹³ Гончарова О.А. Горный Алтай: история народной медицины и здравоохранения. Томск, 2008. С. 67–68.

¹⁴ Дружинина Ю.В. Образовательно-просветительские аспекты деятельности сельской интеллигенции Западной Сибири (вторая половина XIX в.) // Философия образования. 2011. № 5 (38). С. 71–76.

¹⁵ Зверев В.А., Караваева Е.В. Санитарно-просветительная и медицинская деятельность Русской православной церкви в деревне Томской губернии во второй половине XIX – начале XX в. // Гуманитарные науки в Сибири. 2012. № 1. С. 59–64; Караваева Е.В. «Лечили словом и делом». Санитарно-просветительная и медицинская деятельность Русской православной церкви среди сельского населения во второй половине XIX – начале XX в. (по материалам Томской епархии). Новосибирск, 2019; и др.

ками по изучению санитарной культуры сельчан являются статьи сельских учителей и священников, «характеризующие условия содержания крестьянских детей, суеверные представления крестьян, их жизнесохранительное поведение, которое часто шло вразрез с элементарными правилами гигиены»¹⁶. Ученые выделяют этапы просветительной и медицинской деятельности Томской епархии, раскрывают формы этой деятельности и приходят к выводу, что степень успешности решения поставленных церковью задач не могла быть высокой из-за слабого проявления модернизационных процессов в сибирской деревне и приоритета конфессиональных задач в деятельности церкви.

Историки и этнографы о санитарных качествах крестьянского поселенческого комплекса. Социальный историк В.Б. Безгин – один из немногих современных исследователей русской деревни периода поздней империи, обративших внимание на санитарные качества сельского поселенческого комплекса – населенных пунктов, крестьянских усадеб и жилищ. В его книгах, посвященных крестьянской повседневности, мы видим жесткие формулировки: «О санитарных требованиях русские крестьяне имели смутное представление»; «Личная гигиена у крестьян практически отсутствовала»; «Постоянные работы по хозяйству и в поле практически не оставляли крестьянкам времени для поддержания чистоты в домах. В лучшем случае раз в день из избы выметали сор. Полы в домах мыли не чаще 2–3 раз в год, обычно к престольному празднику, Пасхе и Рождеству»¹⁷. Отмечено множество недостатков жилых помещений: земляные полы как «источник грязи, пыли и сырости», отопление «по-черному», теснота и духота, обилие насекомых, сезонное содержание в избах скота и пр. Зафиксировано также отсутствие чистоты постелей, небрежная стирка белья, редкое мытье посуды, ее коллективное использование, отсутствие или предельно примитивное устройство отхожих мест, «катастрофически малое» количество бань – основного в то время средства поддержания чистоты тела.

Негативные оценки, данные В.Б. Безгиным, вызвали у одного из рецензентов его работы желание «вступить» за память о женщинах-крестьянках, среди которых обнаруживаются предки большинства из нас. Г.В. Лаухина пишет: «На наш взгляд, заявлять о том, что все они были грязнулями и неряхами <...> как минимум некорректно»¹⁸. Рецензент справедливо обращает внимание на то, что прежние санитарные нормы и представления отличались от современных, что в любые времена бывают «разные дома и разные деревни».

Нужно учесть, что заинтересовавший нас труд В.Б. Безгина претендует на общероссийские обобщения, но опирается в основном на источники и литературу, характеризующие ситуацию в Европейской России, преимущественно в ее центрально-черноземной полосе. Мы вправе воспринимать выводы и положения, сформулированные тамбовским историком, как характеристику санитарной культуры населения тех губерний «внутренней» России, которые во второй половине XIX – начале XX в. дали Западной Сибири основную массу аграрных иммигрантов. Иначе говоря, это базовая санитарная культура крестьян-переселенцев, на рубеже столетий фактом своего переезда увеличивших численность сельского населения нашего региона на 1,8 млн чел.¹⁹

Возникает вопрос: как эти характеристики соотносятся с состоянием санитарной культуры сельского старожилого населения Западной Сибири, составлявшего здесь большинство в изучаемый период? Усилиями современных этнографов П.Е. Бардиной, М.А. Жигуновой, Т.Н. Золотовой, Е.А. Коляскиной, В.А. Липинской, А.Ю. Майничевой, Л.А. Скрябиной, Н.А. Томилова, Е.Ф. Фурсовой, Л.А. Явновой и их коллег созданы многочисленные труды, посвященные описанию жилищ, усадеб и поселений, повседневной и праздничной одежды, системы питания, а также семейным отношениям и обрядам, календарно-обрядовым традициям «чалдонов» – сибиряков-старожилов. В этих трудах мы

¹⁶ Караваева Е.В. «Лечили словом и делом»... С. 74.

¹⁷ Безгин В.Б. Крестьянская повседневность (традиции конца XIX – начала XX в.). М.; Тамбов, 2004. С. 149–150; Безгин В.Б. Повседневный мир русской крестьянки периода поздней империи. М., 2017. С. 55–61.

¹⁸ Лаухина Г.В. [Рец. на кн.:] Безгин В.Б. Повседневный мир русской крестьянки периода поздней империи. М.: Ломоносовъ, 2017 // Гуманитарные исследования Центральной России. 2018. № 1 (6). С. 53–54.

¹⁹ Демографическая история Западной Сибири (конец XIX – XX в.). Новосибирск, 2017. С. 65.

не найдем развернутой санитарно-гигиенической характеристики изучаемых комплексов материальной и соционормативной культуры, но местами употребляемые уважительные эпитеты (дома «просторные, теплые», «построены крепко», «выглядят аккуратно»; девушки и в будни «одевались чисто, добротнo»; в быту «соблюдались ритуальная чистота» и т.п.) свидетельствуют об общей позитивной оценке санитарных реалий культуры и образа жизни сибиряков-старожилов. Те ученые, которые в своих трудах находят место для специального санитарного анализа, делают это только применительно к поселенческому комплексу. При этом они прямо противопоставляют «похвальное» санитарно-гигиеническое состояние такового у старожилого крестьянства и сугубую антисанитарию в избах и на подворьях новоселов.

Старожилы и переселенцы: ученые о санитарных различиях поселенческих комплексов. Мнение о приверженности русских старожилов Сибири к чистоте не является новым в науке. Крупнейший советский этнограф Д.К. Зеленин, опираясь на материалы имперского и раннесоветского периодов, выделял сибиряков среди всех восточных славян как тех, кто обладает «самой большой и даже болезненной чистоплотностью»²⁰. В.А. Липинская пишет: «Просторные светлые дома сибиряков содержались в чистоте»²¹. Поместив в книге о русском населении Алтая специальный раздел о санитарии, она отмечает: «Всех приехавших в Сибирь из европейской части страны поражала чистота жилища»²². Переселенцы принесли на Алтай южнорусские обычаи обмазки и побелки стен и печей, «но навыков тщательного ухода за домом у них не было»²³. В.М. Кимеев в своем исследовании по истории с. Брюханово Кузнецкого округа (уезда) категоричен: «Все чалдонские семьи отличались исключительной чистоплотностью», а в грязных халупах новоселов ни один сибиряк не решался есть и пить²⁴. Исследователи констатируют, что достойные санитарные качества жилищ сибиряков-старожилов (теплые стены, деревянный пол, прочная крыша и пр.), однажды построенных мужчинами, поддерживались каждодневными усилиями женщин-крестьянок по наведению чистоты²⁵.

В.А. Зверев написал серию работ, специально посвященных медико-гигиеническим условиям воспроизводства сельского населения Сибири, по преимуществу – санитарному качеству жилищ, усадеб и поселений русских крестьян наиболее заселенных местностей во второй половине XIX – первой трети XX в. Основу его выводов составили оценки санитарных врачей и инженеров-гидротехников, осуществивших в 1920-х гг. массовые профессиональные обследования жилищного и гидротехнического фонда почти на всей территории Западной Сибири²⁶. Этот фонд в его большей части создавался в досоветское время, на которое можно с полным правом распространить все выводы обследования. Выяснились следующие реальные достоинства большинства поселенческих комплексов крестьян-старожилов: просторное их расположение при лесах и естественных водоемах, большая площадь усадеб, хорошее качество срубов, наличие деревянных полов и тесовых крыш, сравнительная чистота и опрятность в домах, достигаемые отказом от размещения здесь скота, отоплением «по-белому», регулярной капитальной уборкой и каждодневным уходом, наличие собственных бань примерно в половине дворов и т.п. С другой стороны, обращают на себя внимание загрязненность поселений, усадеб, водоисточников навозом и бытовым мусором, отсутствие специальных мест для свалок и скотомогильников, озеленения и мощения пыльных и грязных улиц, туалетов во дворах, малый объем и слабая освещен-

²⁰ Зеленин Д.К. Восточнославянская этнография. М., 1991. С. 280.

²¹ Липинская В.А. Жилище восточнославянского населения Сибири // Традиционное жилище народов России, XIX – начало XX в. М., 1997. С. 65.

²² Липинская В.А. Старожилы и переселенцы. Русские на Алтае, XVIII – начало XX в. М., 1996. С. 111.

²³ Там же. С. 119.

²⁴ Кимеев В.М. Касьминские чалдоны. Быт и культура русских старожилов Касьминской волости. Кемерово, 1997. С. 58–59.

²⁵ Коляскина Е.А. Женщина и мужчина в русской деревне Алтая. Бийск, 2015. С. 183–199; и др.

²⁶ Зверев В.А. Материалы массовых санитарных обследований поселений, усадеб и жилищ Сибири в 1920-е гг. как историко-культурологический источник // Исторические источники в исследовательской и образовательной практике. Новосибирск, 2011. С. 53–71.

ность жилых помещений, почти полное отсутствие в избах фундаментов, водоизолированных погребов, двойных (зимних) рам, форточек и противомаларийных сеток, антигигиенические условия сна, небрежный уход за детскими колыбелями, засилье насекомых-паразитов.

Самую суровую критику заслужило санитарное качество жилищного фонда в социальном слое бедноты, особенно в переселенческих поселках южной степной и северной приполярной зон, где обычно строили землянки и иное примитивное жилье из суррогатных материалов. «В источниках имеются многочисленные прямые указания на то, что заболеваемость и смертность были непомерно высоки в нижнем социальном слое в связи с неблагоприятным санитарно-гигиеническим состоянием дворов и жилищ, а также плохой обувью, одеждой и тяжелыми условиями труда», – констатирует ученый²⁷.

Историк Е.А. Панишев среди причин высокой заболеваемости населения Тобольской губернии в интересующий нас период тоже называет неразвитость санитарно-гигиенических условий быта: бросались в глаза «примитивная система выгребов в населенных пунктах, отсутствие канализации, мусор на улицах, сильная загрязненность питьевых вод сточными» и пр.²⁸ В этой общей оценке не различаются поселенческие комплексы старожилов и новоселов. В то же время статьи историков А.И. Татарниковой и Н.И. Загороднюк сфокусированы на санитарно-гигиенической обстановке именно в переселенческой среде²⁹. Авторы показывают, что не только просчеты и недоработки властных инстанций Российской империи в организации переселенческого движения, но и «несоблюдение элементарных санитарно-гигиенических предписаний самими мигрантами» в пути и на местах вселения в Западной Сибири «провоцировали рост заболеваемости и смертности в их среде»³⁰. При этом нельзя забывать, что санитарные качества конкретных жилищных комплексов переселенцев сильно зависели от финансовой состоятельности мигрантов, мест их выхода и вселения, времени заселения в Сибири и т.д.

Отмечая разницу в уровне санитарного статуса домов старожилов и переселенцев на основе изучения источников XVIII – середины XIX в., О.Н. Шелегина делает такой вывод: «Общую картину благополучного санитарного состояния крестьянского жилища в Западной Сибири несколько ухудшали постоянные миграции населения из-за Урала»³¹. С нею соглашается В.А. Зверев, продвинув хронологию исследования на несколько десятков лет и расширив его географию: «Усиление аграрных миграций в Сибирь в конце XIX – первой трети XX в. в целом сдерживало прогрессивную эволюцию санитарных качеств сельского жилья в регионе»³².

Некоторые дискуссионные вопросы темы. В ходе изучения санитарно-бытовой культуры русского крестьянства Западной Сибири обозначились некоторые спорные позиции, касающиеся поселенческого комплекса.

О.Н. Шелегина выдвинула положение о том, что в условиях сохранения севернорусской культурной традиции бытовой чистоты, заинтересованности общественного мнения деревни и местной администрации в том, чтобы чистота и порядок соблюдались во всех домах, «санитарное состояние жилища не зависело непосредственно от состоятельности домохозяина»³³. В.А. Зверев на основе данных массовых обследований приходит к выводу,

²⁷ Зверев В.А. Люди детные... С. 92.

²⁸ Панишев Е.А. Медицинское обслуживание и охрана здоровья... С. 134–138.

²⁹ Татарникова А.И. Переселенческие поселки в Западной Сибири конца имперского периода: численность, социальная инфраструктура, санитарное состояние // Вестник Томского университета. 2017. № 417. С. 155–162; Татарникова А.И., Загороднюк Н.И. Массовое переселение крестьян в Западную Сибирь в конце XIX – начале XX в. в санитарно-гигиеническом измерении // Вестник Томского университета. 2018. № 437. С. 148–154.

³⁰ Татарникова А.И., Загороднюк Н.И. Массовое переселение крестьян... С. 152.

³¹ Шелегина О.Н. Очерки материальной культуры русских крестьян Западной Сибири (XVIII – первая половина XIX в.). Новосибирск, 1992. С. 83.

³² Зверев В.А. «Держись друга старого, а дома нового». Эволюция качества сельского жилищного фонда в Сибири по данным массовых санитарных обследований 1920-х гг. // Новые исследовательские подходы в работе с историческими источниками XVIII–XXI вв. Новосибирск, 2013. С. 143.

³³ Шелегина О.Н. Очерки материальной культуры... С. 82.

что санитарное качество жилья сибирских старожилов улучшалось с середины XIX в. до 1910–1914 гг., однако прогресс не был фронтальным, «выгодной была ситуация в зажиточных домохозяйствах»³⁴. Обнаруживается высокий уровень корреляции между социально-экономическим статусом владельца домохозяйства (зажиточный, середняк, бедняк) – с одной стороны, и размером и внутренней планировкой его семейного жилища – с другой. Эти различия «были теснейшим образом связаны с разницей во всех санитарных показателях, вплоть до чистоты содержания помещений»³⁵.

Разногласия наметились и по вопросу о санитарно-гигиеническом состоянии сибирской бани – второго по значению сооружения после жилища на усадьбе сельского жителя. В этнографической литературе закрепились несколько идеализированная, на наш взгляд, характеристика и этого состояния на рубеже XIX–XX вв., и роли бань как универсального санитарно-гигиенического, профилактического и лечебного комплекса, в сущности, не имеющего изъянов³⁶. Однако В.А. Зверев склонен прислушаться к оценкам санитарных врачей. Их профессиональные обследования показали, в частности, что далеко не во всех подворьях старожилов имелись свои бани, а в переселенческих поселках одна «мовня» приходилась, в самом лучшем случае, на 4–5 домохозяйств. Почти все бани и их использование имели существенные санитарно-гигиенические недостатки: малый объем, отопление «по-черному», отсутствие предбанников, щелястые полы. Они предназначались для распаривания и массажа тела при очень высокой температуре, но не для тщательного омовения тела; последующее обливание холодной водой, купание в студеном водоеме или в снегу не всегда приносили пользу здоровью. Веники и другие банные принадлежности переходили из рук в руки между многочисленными членами семьи и компаниями соседей; специально об их дезинфекции не заботились, полагаясь на стихийную силу кипятка и пара. В литературе имеются указания и на иные причины загрязнения банного пространства. Здесь выполняли различные ремесленные работы, коптили рыбу, сало и мясо, стирали грязное белье, при необходимости использовали бани даже для временного содержания скота³⁷.

Думается, что тема санитарно-гигиенического статуса и роли сельских бань в Западной Сибири второй половины XIX – начала XX в. требует дополнительной разработки. Частичное раскрытие она получила в работах Т.К. Щегловой, однако в основном лишь применительно к периодам 1920–1930-х гг. и Великой Отечественной войны³⁸.

Любопытную информацию для размышлений о том, как в санитарной культуре крестьян в «старое» время сочетались аспекты полезные и пагубные для здоровья, мы находим в монографии Н.С. Грибановой³⁹. Этнограф сообщает, что на Алтае, как и в иных местностях Сибири, в семейном быту для отирания лица и рук использовались разные полотенца, что, безусловно, заслуживает высокой оценки. Читаем дальше: «Полотенцем для лица пользовались всей семьей, независимо от числа ее членов», – а это

³⁴ Зверев В.А. Крестьянское жилище глазами санитарных врачей и инженеров (Новосибирское Приобье и Бараба, 1920-е гг.) // Гуманитарные науки в Сибири. 1999. № 2. С. 90.

³⁵ Зверев В.А. «Держись друга старого, а дома нового»... С. 146.

³⁶ Баня и печь в русской народной традиции. М., 2004. С. 130–198; Кимеев В.М. Касьяминские чалдоны... С. 61–66; Щеглова Т.К. Санитарно-бытовая культура... С. 159–160; и др.

³⁷ Бардина П.Е. Быт русских сибиряков Томского края. Томск, 1995. С. 102; Боровцова Т.А. Баня по-черному в хозяйственно-бытовом укладе русских крестьян в первой половине XX в. (по материалам экспедиций в Заринский район 2003–2004 гг.) // Этнография Алтая и сопредельных территорий. Барнаул, 2008. Вып. 7. С. 311; и др.

³⁸ Щеглова Т.К. Санитарно-бытовая культура... С. 155–163; Щеглова Т.К. «Интимные» вопросы культуры жизнеобеспечения женщин сибирской деревни в годы Великой Отечественной войны: взаимодействие гендерной и устной истории в исследовании гигиены и санитарии // Материнство и отцовство сквозь призму времени и культур. М., 2016. Т. 2. С. 253–258; Щеглова Т.К. Моющие средства в системе жизнеобеспечения сельского населения сибирской тыловой деревни в условиях войны 1941–1945 гг. // Экстремальное в повседневной жизни населения России: история и повседневность (к 100-летию Русской революции). СПб., 2017. С. 263–270.

³⁹ Грибанова Н.С. Полотенце в культуре русского сельского населения Алтая в конце XIX – начале XXI в. Барнаул, 2013. С. 44.

во времена широкого распространения инфекционных заболеваний была уже вредная традиция.

Подведем промежуточные итоги. Таким образом, можно сделать вывод, что санитарная культура сельского населения Западной Сибири второй половины XIX – начала XX в. сегодня изучается по нескольким проблемно-тематическим направлениям, их продвигают ученые различной специализации. Во-первых, это представители социокультурной истории, рассматривающие организационную и просветительную деятельность царской администрации, православной церкви, сельской интеллигенции по повышению уровня медицинского и санитарно-гигиенического обслуживания населения, санитарной культуры сельчан. Во-вторых, это этнографы, преимущественно занятые изучением традиционной материальной и, в меньшей степени, духовной культуры сибирского крестьянства, в первую очередь санитарно-гигиенических качеств поселенческого комплекса – сельских населенных пунктов, усадеб и жилищ. В-третьих, это специалисты по истории народной медицины и санитарии, традиционной в своей основе. В трудах ряда ученых наблюдается плодотворное сочетание этих тематических стратегий.

Наиболее разработанной сейчас является тема чистоты и порядка в жилищах крестьян-старожилов и недавних переселенцев. Эти две категории населения представляются в историографии как полярные по уровню развития санитарно-гигиенической культуры. Однако пока не вполне раскрыты причины «особой чистоплотности» сибиряков, не рассмотрены общие черты и многочисленные варианты культурной динамики у тех и других, а также в среде казачества.

В данный момент остаются слабо изученными аспекты санитарно-гигиенического состояния сельских дорог, мест водозабора, хранения пищевых продуктов, способов их обработки и потребления. Применительно к досоветскому периоду истории совсем нет работ, посвященных особенностям повседневной санитарии тела, половой и возрастной гигиены. В исторических исследованиях проявляется институциональный подход, обусловленный однобоким подбором источников, авторами которых являлись санитарные врачи, представители власти и церкви. Актуальным для историков остается привлечение источников личного происхождения, а для этнографов – материалов массовых медико-топографических, статистико-экономических, санитарно-гигиенических обследований разных категорий населения.

Назрели важные методологические и тематические новации. Нужно выводить в центр внимания «вторую реальность» санитарной культуры – санитарно-гигиенические представления людей; в духе деятельностного подхода характеризовать санитарные аспекты хозяйственного и демографического поведения, общественной активности и общения различных этнических и субэтнических, сословных, конфессиональных категорий сельчан. Следуя принципу историзма, нужно преодолевать представление о сугубой статичности санитарной культуры в крестьянском обществе, объятom властью традиций. Вторая половина XIX – начало XX в. – особый период истории России и, в частности, Западной Сибири, когда сила традиций ослабевала, складывались предпосылки модернизации в культуре и образе жизни людей, а затем начиналась первая фаза модернизационных процессов. Необходимо изучение инновационной роли не только властных институций, сельской интеллигенции и церкви, но и самого крестьянства, влияния народной инициативы, города, школы и грамотности на модернизационную перестройку санитарно-гигиенической культуры деревенских жителей.

Мы полагаем, что со временем будет накапливаться опыт соединения практики изучения санитарной культуры сибиряков и ключевой для исторической демографии практики исследования физического и социокультурного воспроизводства сельского населения Западной Сибири. В теории понятно, что от санитарно-гигиенического состояния среды обитания людей, от их санитарного поведения непосредственно зависят масштабы заболеваемости и смертности, в некоторой степени также уровни брачности, рождаемости и миграционной активности населения. Можно уверенно предположить, например, что статистически установленный факт сокращения смертности в селениях Западной Сибири на 12 % в период

между 1887–1892 и 1906–1914 гг.⁴⁰ тесно связан, в частности, с происходившим на рубеже веков совершенствованием санитарной культуры крестьянства в нашем регионе. Нужно подобную связь эмпирически обнаруживать, описывать и интерпретировать, что может стать важным направлением в исследованиях гуманитариев-сибиреведов.

Литература

Архипов С.В., Бурукин В.В. Правовое регулирование организации медико-санитарной помощи в колонизируемых областях Азиатской России в конце XIX – начале XX в. // Балтийский гуманитарный журнал. 2019. Т. 8, № 2 (27). С. 125–128.

Баня и печь в русской народной традиции / отв. ред. В.А. Липинская. М.: INTRADA, 2004. 287 с.

Бардина П.Е. Быт русских сибиряков Томского края. Томск: Изд-во ТГУ, 1995. 224 с.

Безгин В.Б. Крестьянская повседневность (традиции конца XIX – начала XX в.). М.; Тамбов: Изд-во Тамбов. техн. ун-та, 2004. 304 с.

Безгин В.Б. Повседневный мир русской крестьянки периода поздней империи. М.: Ломоносовъ, 2017. 248 с.

Боровцова Т.А. Баня по-черному в хозяйственно-бытовом укладе русских крестьян в первой половине XX в. (по материалам экспедиций в Заринский район 2003–2004 гг.) // Этнография Алтая и сопредельных территорий. Барнаул: БГПУ: ИАЭТ СО РАН, 2008. Вып. 7. С. 308–312.

Бромлей Ю.В., Воронов Л.В. Народная медицина как предмет этнографических исследований // Советская этнография. 1976. № 5. С. 3–18.

Быховская И.М. Культура жизнеобеспечения // Культурология, XX век: энциклопедия. СПб.: Университет. кн.: Алетейя, 1998. Т. 1. С. 347–348.

Волохина И.В. Народная медицина русских Омского Прииртышья (конец XIX – XX в.). Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2005. 160 с.

Глушков С.Е. Заболеваемость населения Томской губернии инфекционными болезнями в последней трети XIX – начале XX в.: историко-демографический анализ // Известия Алтайского государственного университета. 2012. № 4 (76). С. 63–67.

Глушков С.Е. Эпидемическая смертность населения Западной Сибири в конце имперского периода (конец 1880-х – 1916 г.) // Актуальные проблемы исторических исследований: взгляд молодых ученых. Новосибирск: Апельсин; ИИ СО РАН, 2016. С. 105–114.

Гончарова О.А. Горный Алтай: история народной медицины и здравоохранения. Томск: Изд-во ТГУ, 2008. 245 с.

Грибанова Н.С. Полотенце в культуре русского сельского населения Алтая в конце XIX – начале XXI в. Барнаул: АГПА, 2013. 256 с.

Демографическая история Западной Сибири (конец XIX – XX в.) / отв. ред. В.А. Исупов. Новосибирск: ИИ СО РАН, 2017. 350 с.

Демографическая энциклопедия / гл. ред. А.А. Ткаченко. М.: Энцикл., 2013. 944 с.

Дружинина Ю.В. Образовательно-просветительские аспекты деятельности сельской интеллигенции Западной Сибири (вторая половина XIX в.) // Философия образования. 2011. № 5 (38). С. 71–76.

Зверев В.А. Медико-санитарные условия жизни сельского населения Сибири (1861–1917 гг.) // Культурный потенциал Сибири в досоветский период. Новосибирск: НГПУ, 1992. С. 38–55.

Зверев В.А. Крестьянское жилище глазами санитарных врачей и инженеров (Новосибирское Приобье и Бараба, 1920-е гг.) // Гуманитарные науки в Сибири. Сер.: Отечественная история. 1999. № 2. С. 87–91.

Зверев В.А. Материалы массовых санитарных обследований поселений, усадеб и жилищ Сибири в 1920-е гг. как историко-культурологический источник // Исторические источники в исследовательской и образовательной практике. Новосибирск: НГПУ, 2011. С. 53–71.

⁴⁰ Подсчитано по: Демографическая история Западной Сибири... С. 56.

Зверев В.А. «Держись друга старого, а дома нового». Эволюция качества сельского жилищного фонда в Сибири по данным массовых санитарных обследований 1920-х гг. // Новые исследовательские подходы в работе с историческими источниками XVIII–XXI вв. Новосибирск: Изд-во НГПУ, 2013. С. 132–146.

Зверев В.А. Люди детные. Воспроизводство населения сибирской деревни в конце имперского периода. Новосибирск: Изд-во НГПУ, 2014. 278 с.

Зверев В.А., Караваева Е.В. Санитарно-просветительная и медицинская деятельность Русской православной церкви в деревне Томской губернии во второй половине XIX – начале XX в. // Гуманитарные науки в Сибири. 2012. № 1. С. 59–64.

Зеленин Д.К. Восточнославянская этнография. М.: Наука, Гл. ред. вост. лит., 1991. 511 с.

Караваева Е.В. «Лечили словом и делом». Санитарно-просветительная и медицинская деятельность Русской православной церкви среди сельского населения во второй половине XIX – начале XX в. (по материалам Томской епархии). Новосибирск: Золотой колос, 2019. 368 с.

Кимеев В.М. Касьминские чалдоны. Быт и культура русских старожилов Касьминской волости. Кемерово: Кузбассвузиздат, 1997. 250 с.

Колупаев Д.В. Здравоохранение в поселениях сибирского казачества во второй половине XIX в. // Известия Алтайского государственного университета. 2008. № 4-5 (60). С. 252–254.

Коляскина Е.А. Женщина и мужчина в русской деревне Алтая. Бийск: Алт. акад. образования им. В.М. Шукшина, 2015. 296 с.

Лаухина Г.В. [Рец. на кн.:] Безгин В.Б. Повседневный мир русской крестьянки периода поздней империи. М.: Ломоносовъ, 2017. 248 с. // Гуманитарные исследования Центральной России. 2018. № 1 (6). С. 52–56.

Липинская В.А. Жилище восточнославянского населения Сибири // Традиционное жилище народов России, XIX – начало XX в. М.: Наука, 1997. С. 60–78.

Липинская В.А. Старожилы и переселенцы. Русские на Алтае, XVIII – начало XX в. М.: Наука, 1996. 271 с.

Мелешко В.П. Санитарная культура // Демографический энциклопедический словарь. М.: Совет. энцикл., 1985. С. 385.

Панишев Е.А. Медицинское обслуживание и охрана здоровья населения Тобольской губернии во второй половине XIX – начале XX в. // Молодой ученый. 2009. № 9 (9). С. 134–138.

Петров Б.Д. Народная гигиена // Гигиена и санитария. 1960. № 4. С. 51–54.

Почеревин Е.В. Развитие сельской медицинской сети в Томской губернии на рубеже XIX–XX вв. // Вестник Кемеровского университета. 2021. Т. 23, № 1. С. 71–79.

Татарникова А.И. Сельское здравоохранение и сеть медицинских учреждений в Западной Сибири под воздействием модернизационных процессов (конец XIX – первая треть XX в. // Теория и практика общественного развития. 2015. № 22. С. 137–140.

Татарникова А.И. Переселенческие поселки в Западной Сибири конца имперского периода: численность, социальная инфраструктура, санитарное состояние // Вестник Томского университета. 2017. № 417. С. 155–162.

Татарникова А.И., Загороднюк Н.И. Массовое переселение крестьян в Западную Сибирь в конце XIX – начале XX в. в санитарно-гигиеническом измерении // Вестник Томского университета. 2018. № 437. С. 148–154.

Темплинг В.Я. Народная медицина русского населения Западной Сибири XIX в. (социокультурный аспект). Тюмень: Мандр и Ка, 2017. 224 с.

Шелегина О.Н. Очерки материальной культуры русских крестьян Западной Сибири (XVIII – первая половина XIX в.). Новосибирск: Наука, 1992. 252 с.

Щеглова Т.К. Санитарно-бытовая культура и традиции личной гигиены сельского населения Алтайского края в 1920–1930-е гг. // Этнография Алтая и сопредельных территорий. Барнаул: Изд-во БГПУ, 2003. Вып. 5. С. 155–163.

Щеглова Т.К. «Интимные» вопросы культуры жизнеобеспечения женщин сибирской деревни в годы Великой Отечественной войны: взаимодействие гендерной и устной истории в исследовании гигиены и санитарии // Материнство и отцовство сквозь призму времени и культур. Смоленск; М.: Ин-т этнол. и антропол. им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН, 2016. Т. 2. С. 253–258.

Щеглова Т.К. Моющие средства в системе жизнеобеспечения сельского населения сибирской тыловой деревни в условиях войны 1941–1945 гг. // Экстремальное в повседневной жизни населения России: история и повседневность (к 100-летию Русской революции). СПб.: ЛГУ им. А.С. Пушкина, 2017. С. 263–270.

References

Arkhipov, S.V., Burukin, V.V. (2019). Pravovoe regulirovanie organizatsii mediko-sanitarnoy pomoshchi v koloniziruemykh oblastiakh Aziatskoy Rossii v kontse XIX – nachale XX v. [Legal Regulation of the Organization of Medical and Sanitary Care in the Colonized Regions of Asian Russia in the Late 19th – Early 20th Century]. In *Baltiyskiy gumanitarnyy zhurnal*. Vol. 8, No. 2 (27), pp. 125–128.

Bardina, P.E. (1995). *Byt russkikh sibiriyakov Tomskogo kraya* [The Life of Russian Siberians of the Tomsk Region]. Tomsk, Izdatel'stvo TGU. 224 p.

Bezgin, V.B. (2004). *Krest'yanskaya povsednevnost' (traditsii kontsa XIX – nachala XX v.)* [Peasant Daily Life (Traditions of the Late 19th – Early 20th Century)]. Moscow, Izdatel'skiy dom Tambovskogo tekhnicheskogo universiteta. 304 p.

Bezgin, V.B. (2017). *Povsednevnyy mir russkoy krest'yanki perioda pozdney imperii* [The Everyday World of a Russian Peasant Woman of the Late Empire Period]. Moscow, Lomonosov. 248 p.

Borovtsova, T.A. (2008). Banya po-chernomu v khozyaystvenno-bytovom uklade russkikh krest'yan v pervoy polovine XX v. (po materialam ekspeditsii v Zarinskiy rayon 2003–2004 gg.) [Black Bath in the Household of Russian Peasants in the First Half of the 20th Century (Based on the Materials of Expeditions to the Zarinsky District in 2003–2004)]. In *Etnografiya Altaya i sopredel'nykh territoriy*. Barnaul, Iss. 7, pp. 308–312.

Bromlei, Yu.V., Voronov, L.V. (1976). Narodnaya meditsina kak predmet etnograficheskikh issledovaniy [Folk Medicine as a Subject of Ethnographic Research]. In *Sovetskaya etnografiya*. No. 5, pp. 3–18.

Bykhovskaya, I.M. (1998). Kul'tura zhizneobespecheniya [Life Support Culture]. In *Kul'turologiya, XX vek: entsiklopediya*. St. Petersburg. Vol. 1, pp. 347–348.

Druzhinina, Yu.V. (2011). Obrazovatel'no-prosvetitel'skie aspekty deyatel'nosti sel'skoy intelligentsii Zapadnoy Sibiri (vtoraya polovina XIX v.) [Educational Aspects of the Activities of the Rural Intelligentsia of Western Siberia (Second Half of the 19th Century)]. In *Filosofiya obrazovaniya*. No. 5 (38), pp. 71–76.

Glushkov, S.E. (2012). Zabolevaemost' naseleniya Tomskoy gubernii infektsionnymi boleznyami v posledney treti XIX – nachale XX v.: istoriko-demograficheskiy analiz [The Incidence of Infectious Diseases in the Population of the Tomsk Province in the Last Third of the 19th – Early 20th Centuries: Historical and Demographic Analysis]. In *Izvestiya Altayskogo gosudarstvennogo universiteta*. No. 4 (76), pp. 63–67.

Glushkov, S.E. (2016). Epidemicheskaya smertnost' naseleniya Zapadnoy Sibiri v kontse imperskogo perioda (konets 1880-kh – 1916 g.) [Epidemic Mortality of the Population of Western Siberia at the End of the Imperial Period (Late 1880s – 1916)]. In *Aktual'nye problemy istoricheskikh issledovaniy: vzglyad molodykh uchenykh*. Novosibirsk, Apel'sin, II SO RAN, pp. 105–114.

Goncharova, O.A. (2008). *Gornyy Altay: istoriya narodnoy meditsiny i zdravookhraneniya* [Gorny Altai: The History of Traditional Medicine and Healthcare]. Tomsk, Izdatel'stvo TGU. 245 p.

Gribanova, N.S. (2013). *Polotentse v kul'ture russkogo sel'skogo naseleniya Altaya v kontse XIX – nachale XXI v.* [Towel in the Culture of the Russian Rural Population of Altai in the Late 19th – Early 21st Century]. Barnaul, AltGPU. 256 p.

Isupov, V.A. (Ed.), (2017). *Demograficheskaya istoriya Zapadnoy Sibiri (konets XIX – XX v.)* [Demographic History of Western Siberia (Late 19th – 20th Century)]. Novosibirsk, II SO RAN. 350 p.

Karavaeva, E.V. (2019). “*Lechili slovom i delom*”. *Sanitarno-prosvetitel'naya i meditsinskaya deyatel'nost' Russkoy pravoslavnoy tserkvi sredi sel'skogo naseleniya vo vtoroy polovine XIX – nachale XX v. (po materialam Tomskoy eparkhii)* [“Cured by Word and Deed”. Sanitary, Educational and Medical Activities of the Russian Orthodox Church Among the Rural Population in the Second Half of the 19th – Early 20th Century (Based on the Materials of the Tomsk Diocese)]. Novosibirsk, Zolotoy kolos. 368 p.

Kimeev, V.M. (1997). *Kas'minskie chaldony. Byt i kul'tura russkikh starozhilov Kas'minskoy volosti* [Kasmin Chaldons. The Life and Culture of the Russian Old-Timers of the Kasmin Region]. Kemerovo, Kuzbassvuzizdat. 250 p.

Kolupaev, D.V. (2008). *Zdravookhranenie v poseleniyakh sibirskogo kazachestva vo vtoroy polovine XIX v.* [Healthcare in the Settlements of the Siberian Cossacks in the Second Half of the 19th Century]. In *Izvestiya Altayskogo gosudarstvennogo universiteta*. No. 4-5 (60), pp. 252–254.

Kolyaskina, E.A. (2015). *Zhenshchina i muzhchina v russkoy derevne Altaya* [A Woman and a Man in the Russian Village of Altai]. Biysk, Altayskaya akademiya obrazovaniya imeni V.M. Shukshina. 296 p.

Laukhina, G.V. (2018). [Rets. na kn.:] Bezgin, V.B. *Povsednevnyy mir russkoy krest'yanki perioda pozdney imperii* [Book Review: Bezgin, V.B. (2017). *The Everyday World of the Russian Peasant Woman of the Period of the Late Empire*. Moscow, Lomonosov. 248 p.]. In *Gumanitarnye issledovaniya Tsentral'noy Rossii*. No. 1 (6), pp. 52–56.

Lipinskaya, V.A. (1996). *Starozhily i pereselentsy. Russkie na Altae, XVIII – nachalo XX v.* [Old-Timers and Migrants. Russians in Altai, 18th – Early 20th Century]. Moscow, Nauka. 271 p.

Lipinskaya, V.A. (1997). *Zhilishche vostochnoslavyanskogo naseleniya Sibiri* [The Dwelling of the East Slavic Population of Siberia]. In *Traditsionnoe zhilishche narodov Rossii, XIX – nachalo XX v.* Moscow, pp. 60–78.

Lipinskaya, V.A. (Chief ed.). (2004). *Banya i pech' v russkoy narodnoy traditsii* [Bathhouse and Oven in the Russian Folk Tradition]. Moscow, INTRADA. 287 p.

Meleshko, V.P. (1985). *Sanitarnaya kul'tura* [Sanitary Culture]. In *Demograficheskiy entsiklopedicheskiy slovar'*. Moscow, p. 385.

Panishev, E.A. (2009). *Meditsinskoe obsluzhivanie i okhrana zdorov'ya naseleniya Tobol'skoy gubernii vo vtoroi polovine XIX – nachale XX v.* [Medical Care and Health Protection of the Population of the Tobolsk Province in the Second Half of the 19th – Early 20th Century]. In *Molodoy uchenyy*. No. 9 (9), pp. 134–138.

Petrov, B.D. (1960). *Narodnaya gigiena* [Folk Hygiene]. In *Gigiena i sanitariya*. No. 4, pp. 51–54.

Pocherevin, E.V. (2021). *Razvitie sel'skoy meditsinskoy seti v Tomskoy gubernii na rubezhe XIX–XX vv.* [Development of the Rural Medical Network in Tomsk Province at the Turn of the 19th–20th Centuries]. In *Vestnik Kemerovskogo universiteta*. Vol. 23, No. 1, pp. 71–79.

Shcheglova, T.K. (2003). *Sanitarno-bytovaya kul'tura i traditsii lichnoy gigieny sel'skogo naseleniya Altayskogo kraya v 1920–1930-e gg.* [Sanitary and Household Culture and Traditions of Personal Hygiene of the Rural Population of the Altai Region in the 1920s and 1930s]. In *Etnografiya Altaya i sopredel'nykh territorii*. Barnaul. Iss. 5, pp. 155–163.

Shcheglova, T.K. (2016). "Intimnye" voprosy kul'tury zhizneobespecheniya zhenshchin sibirskoy derevni v gody Velikoy Otechestvennoy voyny: vzaimodeystvie gendernoy i ustnoy istorii v issledovanii gigieny i sanitarii ["Intimate" Issues of the Culture of Life Support for Women of the Siberian Countryside During the Great Patriotic War: The Interaction of Gender and Oral History in the Study of Hygiene and Sanitation]. In *Materinstvo i otsovstvo skvoz' prizmu vremeni i kul'tur*. Smolensk, Moscow. Vol. 2, pp. 253–258.

Shcheglova, T.K. (2017). Moyushchie sredstva v sisteme zhizneobespecheniya sel'skogo naseleniya sibirskoy tylovoy derevni v usloviyakh voyny 1941–1945 gg. [Detergents in the Life Support System of the Rural Population of the Siberian Rear Village in the Conditions of the 1941–1945 War]. In *Ekstremal'noe v povsednevnoy zhizni naseleniya Rossii: istoriya i povsednevnost' (k 100-letiyu Russkoy revolyutsii)*. St. Petersburg, pp. 263–270.

Shelegina, O.N. (1992). *Ocherki material'noy kul'tury russkikh krest'yan Zapadnoy Sibiri (XVIII – pervaya polovina XIX v.)* [Essays on the Material Culture of the Russian Peasants of Western Siberia (18th – First Half of the 19th Century)]. Novosibirsk, Nauka. 252 p.

Tatarnikova, A.I. (2015). Sel'skoe zdravookhranenie i set' meditsinskikh uchrezhdeniy v Zapadnoy Sibiri pod vozdeystviem modernizatsionnykh protsessov (konets XIX – pervaya tret' XX v.) [Rural Healthcare and the Network of Medical Institutions in Western Siberia under the Influence of Modernization Processes (Late 19th – First Third of 20th Century)]. In *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya*. No. 22, pp. 137–140.

Tatarnikova, A.I. (2017). Pereselencheskie poselki v Zapadnoy Sibiri kontsa imperskogo perioda: chislennost', sotsial'naya infrastruktura, sanitarnoe sostoyanie [Resettlement Settlements in Western Siberia at the End of the Imperial Period: Population, Social Infrastructure, Sanitary Condition]. In *Vestnik Tomskogo universiteta*. No. 417, pp. 155–162.

Tatarnikova, A.I., Zagorodnyuk, N.I. (2018). Massovoe pereselenie krest'yan v Zapadnuyu Sibir' v kontse XIX – nachale XX v. v sanitarno-gigienicheskom izmerenii [Mass Resettlement of Peasants to Western Siberia in the Late 19th – Early 20th Century in the Sanitary and Hygienic Dimension]. In *Vestnik Tomskogo universiteta*. No. 437, pp. 148–154.

Templing, V.Ya. (2017). *Narodnaya meditsina russkogo naseleniya Zapadnoy Sibiri XIX v. (sotsiokul'turnyy aspekt)* [Folk Medicine of the Russian Population of Western Siberia of the 19th Century (Socio-Cultural Aspect)]. Tyumen', Mandr i Ka. 224 p.

Tkachenko, A.A. (Ed.). (2013). *Demograficheskaya entsiklopediya* [Demographic Encyclopedia]. Moscow, Entsiklopedia. 944 p.

Volokhina, I.V. (2005). *Narodnaya meditsina russkikh Omskogo Priirtysh'ya (konets XIX – XX v.)* [Folk Medicine of the Russians of the Omsk Irtysh Region (Late 19th – 20th Century)]. Novosibirsk, IAE SO RAN. 160 p.

Zelenin, D.K. (1991). *Vostochnoslavyanskaya etnografiya* [East Slavic Ethnography]. Moscow, Nauka, Glavnaya redaktsiya vostochnoy literatury. 511 p.

Zverev, V.A. (1992). Mediko-sanitarnye usloviya zhizni sel'skogo naseleniya Sibiri (1861–1917 gg.) [Medical and Sanitary Living Conditions of the Rural Population of Siberia (1861–1917)]. In *Kul'turnyy potentsial Sibiri v dosovetskiy period*. Novosibirsk, pp. 38–55.

Zverev, V.A. (1999). Krest'yanskoe zhilishche glazami sanitarnykh vrachey i inzhenerov (Novosibirskoe Priob'e i Baraba, 1920-e gg.) [Peasant Dwelling Through the Eyes of Sanitary Doctors and Engineers (Novosibirsk Region and Baraba, 1920s)]. In *Gumanitarnye nauki v Sibiri. Seriya: Otechestvennaya istoriya*. No. 2, pp. 87–91.

Zverev, V.A. (2011). Materialy massovykh sanitarnykh obsledovaniy poseleniy, usadeb i zhilishch Sibiri v 1920-e gg. kak istoriko-kul'turologicheskiy istochnik [Materials of Mass Sanitary Surveys of Settlements, Estates and Dwellings in Siberia in the 1920s as a Historical and Cultural Source]. In *Istoricheskie istochniki v issledovatel'skoy i obrazovatel'noy praktike*. Novosibirsk, pp. 53–71.

Zverev, V.A. (2013). “Derzhis’ druga starogo, a doma novogo”. Evolyutsiya kachestva sel’skogo zhilishchnogo fonda v Sibiri po dannym massovykh sanitarnykh obsledovaniy 1920-kh gg. [“Stick to an Old Friend, and a New One at Home”. The Evolution of the Quality of Rural Housing Stock in Siberia According to Mass Sanitary Surveys of the 1920s]. In *Novye issledovatel’skie podkhody v rabote s istoricheskimi istochnikami XVIII–XXI vv.* Novosibirsk, pp. 132–146.

Zverev, V.A. (2014). *Lyudi detnye. Vosproizvodstvo naseleniya sibirskoy derevni v kontse imperskogo perioda* [People with Children. Reproduction of the Population of the Siberian Village at the end of the Imperial Period]. Novosibirsk, NSPU Publishing House. 278 p.

Zverev, V.A., Karavaeva, E.V. (2012). Sanitarno-prosvetitel’naya i meditsinskaya deyatelnost’ Russkoy pravoslavnoy tserkvi v derevne Tomskoy gubernii vo vtoroy polovine XIX – nachale XX v. [Sanitary, Educational and Medical Activities of the Russian Orthodox Church in the Village of Tomsk Province in the Second Half of the 19th – Early 20th Century]. In *Gumanitarnye nauki v Sibiri*. No. 1, pp. 59–64.